

УДК 81.13

Джаубаева Ф.И.,
Болатчиева К.А.
Карачаево-Черкесский государственный университет
им. У.Д. Алиева
г. Карачаевск
E-mail: dfayi@mail.ru

МОТИВ ЕВРАЗИЙСТВА В КАВКАЗСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. На современном этапе развития лингвистической науки, как известно, доминирующим становится антропоцентрический подход к анализу языковых элементов. Язык воспроизводит, интерпретирует реальность, создавая особый мир, в котором живет человек. Этническое своеобразие отдельного народа взаимосвязано с ментальными установками национальной картины мира. На наш взгляд, обращение к евразийским мотивам в кавказском дискурсе представляет особую актуальность в контексте межкультурной коммуникации, что подтверждается и нашим исследованием. Концепт евразийства отражает особенности русской культуры и, несомненно, взаимосвязан с кавказскими мотивами в текстах русских писателей.

Ключевые слова: Кавказ, языковая личность, культура, полиэтническая среда, евразийство, этнос, межкультурная коммуникация.

Jaubaeva F.I.,
Boltacheva K.A.
Karachay-Cherkessia state University
named after U. D. Aliev
Karachaevsk
E-mail: dfayi@mail.ru

THE MOTIVE OF EURASIANISM IN THE CAUCASUS DISCOURSE

Abstract. As we know, at the present stage of the linguistics the anthropocentric approach to the analysis of language elements becomes a dominant one. Language reproduces, interprets the reality, creating a special world in which people live. The ethnic identity of a nation is interconnected with the mental attitudes of a national picture of the world. In our view, the appeal to the Eurasian Caucasian motives in the discourse is of particular relevance in the context of intercultural communication, which is confirmed by our study. The concept of Eurasianism reflects Russian culture and is certainly interrelated with Caucasian motives in the texts of Russian writers.

Keywords: The Caucasus, a linguistic personality, culture, multi-ethnic environment, Eurasian, ethnos, intercultural communication.

На современном этапе развития лингвистической науки достаточно широко исследуется социальная антропология. На примере разных языков изучаются общие элементы формирования многоязычной личности,

анализируются языковые и социальные нормы речевого поведения в условиях межкультурной коммуникации. Неслучайно, что в последние годы центр исследовательских интересов переместился от наблюдений над абстрактной системой языка в виде противопоставленных друг другу элементов к проявлениям речевой системы, ее социолингвистической обусловленности. Доминирующим становится антропоцентрический подход к анализу языковых элементов, а также объединенный подход к исследованию языка и культуры, когда язык, культура и природная среда рассматриваются во взаимодействии. Центральными языковедческими проблемами стали «человек в языке и язык в человеке». Культурная антропология изучает уникальную способность человека развивать культуру через коммуникацию, речевую деятельность, взаимодействие языка и культуры, формирование в определенном языковом сообществе социокультурного слоя как компонента культуры.

Язык – отражение народной культуры, народной психологии и философии, соответственно, проявляется как единственный источник лингвоэтнокультурологических факторов, формирующих особенности развития того или иного этноса. Язык не только отображает действительность, но и интерпретирует ее, создавая особую реальность и особую картину повседневности, в которой живет человек. Каждый этнос обладает определенным культурным и языковым своеобразием. Неповторимость любого народа связана со спецификой ментальных ориентиров и установок, своеобразием национальной картины мира, этническим самосознанием.

Для истолкования полилингвальных особенностей этносов интерес представляет географическая среда, в которой распространяются языки и которая естественно способствует формированию четких границ, а также оказывает влияние на характер генетических связей между формирующимися языками или диалектами. Географические факторы могут объяснять характер и скорость языковых изменений.

Изучая вопросы территориального размещения языков, уместно обратиться к термину «евразийство». Общеизвестно, что Кавказ является южной границей Евразии. В работе Л.Н. Гумилева «Ритмы Евразии» детально представляется граница Евразийского континента как необычная этнографическая единая система[3, с.196-197].

Наше обращение к концепции евразийства и проблемам формирования евразийских мотивов является актуальным, так как именно ученые, работавшие в данном направлении, акцентировали свое внимание на русской культуре как «евразийской», выступали сознательно не только за русскоязычное культурное своеобразие, но и за разностороннее развитие Российского государства. В этом отношении они имеют еще больше предшественников, чем в своих чисто географических определениях.

Прежде всего необходимо раскрыть значение понятия «евразийство». Хотя евразийское течение России продлилось недолго, но на данном этапе развития межкультурного и межэтнического диалога направление евразийства приобретает особую роль и значимость, прежде всего, как форма оригинального способа формирования русского мира, русской культуры, а также как способ популяризации русского языка в странах ближнего и дальнего зарубежья. Князь Н.С. Трубецкой, несомненно хорошо знавший все проблемные вопросы полиэтнического государства, евразийством называл все народы и нации России в совокупности [9, с.23].

Кавказский дискурс нами понимается как отражение повседневной действительности в текстах русских писателей, представителей русскоязычной культуры. Русскоязычное население было открыто для восприятия восточного человека, обычаев и обрядов представителей разных этнических принадлежностей. Речетворчество и речевая деятельность, например, русских писателей, безусловно, позволяет говорить о высокой культуре, толерантности и элитарности. Данные качества были характерны для русских писателей, волею судеб оказавшихся на Кавказе во время Кавказской войны.

Отражение вышесказанного можно проследить на примере отрывка стихотворения М.Ю. Лермонтова «Валерик» (1840):

*Люблю я цвет их желтых лиц,
Подобный цвету наговиц,
Их шапки, рукава худые,
Их темный и лукавый взор
И их гортанный разговор.*

Русский писатель, выражая свои чувства достаточно точно и четко, нежно и трепетно описывает кавказский быт.

Интересно и замечание П.Я. Чаадаева в первом из «Философических писем» (1836): «...раскинувшись между двух великих делений мира, между Востоком и Западом, опираясь одним локтем на Китай, другим на Германию, мы бы должны были сочетать в себе две великие основы духовной природы – воображение и разум, и объединить в своем просвещении исторические судьбы всего земного шара» [11, с.16].

Ни русские писатели, ни декабристы не могли предположить, что возникнет такого рода течение, как евразийское движение, но уникален тот факт, что и те, и другие в разное время поднимали одни и те же вопросы – вопросы межкультурного и межэтнического диалога. Русские писатели в произведениях кавказского цикла выделили тему взаимоотношения России и Кавказа, а решение проблем они видели в формировании миротворящего диалога.

В полиэтнокультурной среде народов Кавказа русский язык выступал в роли связующего звена. Особенно важно отметить формирование языковых и речевых форм как своеобразных моделей создания межэтнических контактов и выработку способов создания диалога, а также развитие межкультурной коммуникации. Детально и достаточно объемно о кавказских обычаях и традициях, о языке и повседневном быте писали и восторгались ими А.С. Пушкин, А.А. Бестужев, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой, П.К. Услар, В.Ф. Миллер, С.Н. Трубецкой, Я.М. Неверов и многие другие писатели и ученые-

кавказоведы. Кавказские традиции как самые яркие элементы культуры горцев, восхищали оригинальностью все образованные слои российской интеллигенции. Конечно, главной особенностью кавказской культуры было то, что она являлась «мостиком», соединяющим цивилизации Востока и Запада. Этот факт тоже является отражением евразийского мотива в кавказском дискурсе.

Авторские примечания, комментарии и маргиналии, использованные в кавказских произведениях русских писателей, – уникальны. Они сохранили свое значение для читателя, не владеющего татарским языком, вплоть до наших дней, и они реализованы на высоком лингвистическом уровне. Например, А.А. Бестужев-Марлинский в примечаниях к слову «гайда» пишет: «Я думаю, почти все читатели знают, что турецкое, или, если угодно, татарское восклицание гайда, гай-да, значит – ну! ну же! ступай! Те, кому это неизвестно, могут вспомнить, что сами они часто употребляют его, восклицая, например: «айда, молодец!» А из этого следует, что все они, себе неведомо, прекрасно говорят и пишут по-татарски» (Бестужев, Дорога от станции Алмалы до поста Мугансы, 230).

Анализ лингвоэтнографических комментариев подтверждает, что свойственные горцам культурологические особенности, отмеченные русскими писателями доказывает необходимость взаимопроникновения языка, культур и стилей жизни не только между горцами и представителями русскоязычных языковых личностей, но и между всеми народами многонационального государства. И, конечно же, «миром повседневной жизни» интерпретировался как «мир организованный» [12, с.402].

Модель речевой коммуникации и речевого диалога определяется точными авторскими комментариями, которые обладали особенностью воздействия на читателя. Например, весьма оригинальное описание этнических символов встречается в произведениях Л.Н. Толстого: «– *Ваше превосходительство!* – говорил он, приставляя руку к папахе, – *прикажите пустить кавалерию: показались значки,* – и он указывает плетью на конных

татар, впереди которых едут два человека на белых лошадях с красными и синими лоскутами на палках» Примечание автора: [Значки между горцами имеют почти значение знамен, с тою только разницею, что всякий джигит может сделать себе значок и возить его] (Толстой, Набег).

«С одной стороны виднелись освещенные ярким солнечным светом зеленые сады с огромными грунтовыми и лычевыми деревьями; с другой — торчали какие-то странные тени, перпендикулярно стоящие высокие камни кладбища и длинные деревянные шесты с приделанными к концам шарами и разноцветными флагами» Примечание автора: [Это были могилы джигитов] (Толстой, Набег).

По определению Н.С. Трубецкого все народы Евразии должны были чувствовать «отношения некоторого братания» между собой [10, с.97]. В понимании М.Ю. Лермонтова небо одно, а значит один и Творец, который роднит все народы, а враждующий человек в этом мире гармонии поистине жалок:

*Тянулись горы – и Казбек
Сверкал главою остроконечной.
И с грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он – зачем?*

Из вышесказанного вытекает, что кавказские темы прямо связаны с евразийскими мотивами. Создателями евразийского течения были русские ученые, изгнанные революцией из России и осевшие в эмиграции в Софии, Праге, Белграде, Берлине. Евразийская концепция направлена против национализма, за сохранение самобытности этносов.

Раскрывая особенности повседневного быта горцев, русские писатели создавали и расширяли межэтнический диалог. Совершенно справедливо

отмечает С.Б. Лавров , что для позитивного взаимовлияния достаточно быть «доброжелательными и уважать своеобразие обычаев» другого народа [4, с.11].

В кавказском дискурсе это подтверждается моделью речевого поведения элитарной языковой личности, а также активной речетворческой деятельностью, отражением повседневной жизни горцев посредством использования экзотической лексики. Кавказские тексты являются ярким примером взаимовлияния и взаимодействия лингвоэтнокультуры в многонациональных регионах. На современном этапе развития межнациональных отношений, языковая ситуация в полиэтнических регионах предполагает углубленное изучение русского языка и русской культуры как способа межнационального общения. Думается, что популяризация русской лингвокультуры посредством евразийских принципов через кавказский дискурс актуально в достаточной степени. Естественно, евразийское движение так же, как и кавказский дискурс, имеет свои истоки. Отмечалось, что исходным пунктом евразийства был так называемый «русский вопрос», а речетворческая деятельность русских писателей и речевое поведение в иноэтнической среде – в определенной степени можно отнести к вопросу о русском мире и русской культуре, в современном понимании этих вопросов. И представители евразийства и русские писатели посвятили себя изучению особенностей разных народов России с разных точек зрения: лингвистической, духовно-культурной, этнографической, исторической. Соответственно была необходима атмосфера искренности, любознательности, благосклонности, тот аристократизм духа и, конечно же, чувство равенства.

Следовательно, отметим, что евразийцы выражали огромную любовь к своей стране; идеи евразийцев показывали пути развития России; они выступали в защиту самобытности разных этносов. Евразийская культура так же, как речевая и языковая культурная модель русских писателей в чужой поликонфессиональной среде, выражала общенациональные интересы.

Обращение русских писателей и евразийцев к теме Востока подтверждает необходимость взаимодействия и взаимовлияния языка и культур всех народов.

Дифференциальный анализ речевого поведения русских писателей и идей евразийского движения позволяет сделать некоторый вывод. Прежде всего, отметим, что русские писатели, приехав на Кавказ, быстро сдружились с представителями горских народов и в своих произведениях стали создавать положительный образ горца. Далее прослеживается то, что русскоязычные представители начинают утверждать мысль о необходимости мирного присоединения Кавказа к России. Этому, без сомнения, способствует познание повседневного быта, языка и культуры горцев. Русские писатели начинают активно включать слова живой горской речи (экзотизмы) в кавказские произведения, чтобы донести до русского читателя свою точку зрения, свои наблюдения и мысли о Кавказе. Можно привести примеры взаимодействия представителей разных этносов:

«Меня любят очень татары за то, что я не чуждаюсь их обычаев, говорю их языком» (Бестужев-Марлинский, Письма из Дагестана, 52);

«Молодец казак щеголяет знанием татарского языка и, разгулявшись, даже с своим братом говорит по-татарски» (Толстой, Казаки);

«Меня невольно поразила способность русского человека применяться к обычаям тех народов, среди которых ему случается жить» (Лермонтов, Герой нашего времени).

Военные действия на Кавказе не стали преградой в процессе межэтнического взаимовлияния: начал формироваться некий общий язык. Между русскими офицерами и горцами одинаково использовались слова из русского языка как средства межнационального общения.

В художественных произведениях кавказского цикла русских писателей, в кавказском дискурсе евразийские мотивы выражаются обращением русской интеллигенции к взаимоуважению и пониманию интересов многонационального региона, уважение особенностей языка и

культуры других национальностей. Следует отметить, что национальное самосознание народов Кавказа проявляется в высоких морально-этических нормах, в чистоте и искренности духовных отношений. Это отражается в таких примерах, как:

«— Ты ошибаешься, Аммалат,— возразил я, — ты прощен вполне; останешься тем же, чем был прежде, господин своим поместьям и поступкам, — вот твоя сабля. Главнокомандующий уверен, что ты отныне будешь обнажать ее только за русских. Предлагаю тебе одно условие: поживи со мной, покада перепадет молва о твоём походе. Ты будешь у меня как друг, как брат родной.

Это изумило азиатца. Слезы брызнули у него из глаз.

— Русские меня победили! — вскричал он. — Простите, полковник, что я думал худо обо всех вас. С этой поры я верный слуга русскому царю, верный друг русским, душой и саблею» (Бестужев, Аммалат-бек).

Русский писатель зафиксировал модель успешности межэтнической коммуникации, толерантность, формирующуюся на основе взаимопонимания. Прослеживается успешный контакт «поверх барьеров», несмотря на кавказскую войну и факты товарищеских взаимоотношений представителей воюющих сторон.

Геопространственная реальность Кавказа, дополняющая национальную семантику художественного текста, гармонизирует с языковыми элементами и культурными кодами, в том числе с заимствованной экзотической лексикой.

Евразийские идеи заключаются в том, чтобы власти выражали не групповой, а общенациональный интерес [10, с. 394]. Евразия как единое целое предстает в произведениях русских писателей не только в географическом, но и в лингвоэтнографическом планах. Русские писатели на Кавказе осуществляли не только лингвокультуротворческую деятельность, но и формировали цивилизованную языковую и культурную политику, которая позже реализовалась во многом по их примеру и образцу.

Общеизвестно, что язык всегда служил, и будет служить как средство и способ аккумуляции лингвокультурного кода любой этнической группы. «Бесценное сокровище народа, язык явился одной из могучих сил, способствовавших созданию материальной и духовной культуры» [2, с. 36].

Язык – способ постижения мира. Своеобразный «лингвистический бум», которым ознаменовался конец XX столетия, закономерно привел к пересмотру социокультурного контекста и условий формирования языковой личности, изучения языков, уточнению парадигмы языкового образования, его связи с культуроведением, этнолингвистикой, культурной антропологией, теорией межкультурной коммуникации и другими научными дисциплинами.

Подводя итог, отметим, что евразийские мотивы в кавказском дискурсе обнаруживаются в речевом поведении и русских писателей, и представителей кавказских горцев. Важным фактором развития евразийских идей на Кавказе является популяризация русского языка, формирование диалога и разных способов межкультурной коммуникации – актуальные темы как в XIX-ом, так и в XX-ом и в XXI-ом веках. Недаром Кавказ называли «творческой лабораторией». Кавказские произведения русских писателей – это не только отражение повседневности горских народов, не только часть их истории, но и достойный пример поведения элитарной языковой личности в иноэтническом регионе. Тексты русских писателей уникальны и могут служить образцом формирования мирозозидающей модели языковой личности для любого полиэтнического региона.

Библиография

1. Бестужев–Марлинский А.А. Сочинения. В 2-х т. – М.: Художественная литература, 1958. – Т.2. Повести. Рассказы. Очерки. Стихотворения. Ред. П. Кочурин, 1958. – 742с.
2. Горбачевич К.С. Язык – памятник культуры. – Ленинград: Лениздат, 1965. – 270 с.
3. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. Научно-популярное издание. – М.: «АСТ МОСКВА», 2007. – 528 с.
4. Лавров С.Б. Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. Научно-популярное издание. – М.: «АСТ МОСКВА», 2007. – С. 207 – 209.
5. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4-х т. – М.-Л.: Академия наук СССР, 1958.
6. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 17-ти т.Т.5. Редакторы 5 тома: С.М. Бонди, Н.В. Измайлов, Б.М. Эйхенбаум, Д.П. Якубович. Общий редактор 5 тома С.М. Бонди / Художник С. Богачев. – М.: Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР в изд. «Воскресенье», 1994.

7. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993. – 656 с.
8. Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 22-х т. – М.: Художественная литература, 1978.
9. Трубецкой Н.С. Пути Евразии: Русская интеллигенция и судьбы России // История. Культура. Язык. Сост., вступ. ст., коммент. И.А. Исаева. – М.: Русская книга, 1992. – С. 330 – 345.
10. Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. – М.: Наука, 1993. – С. 59 – 76.
11. Чаадаев П.Я. Философические письма // Классика геополитики. XIX век. – М.: АСТ, 2003. – С. 7 – 52.
12. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. – 1056 с.

References

1. Bestuzhev–Marlinskij A.A. Sochineniya. V 2-h t. – М.: Hudozhestvennaya literatura, 1958. – Т.2. Povesti. Rasskazy. Ocherki. Stihotvoreniya. Red. P. Kochurin, 1958. – 742s.
2. Gorbachevich K.S. Yazyk – pamyatnik kul'tury. – Leningrad: Lenizdat, 1965. – 270 s.
3. Gumilev L.N. Ritmy Evrazii. Ehpoi i civilizacii. Nauchno-populyarnoe izdanie. – М.: «AST MOSKVA», 2007. – 528 s.
4. Lavrov S.B. Ritmy Evrazii. Ehpoi i civilizacii. Nauchno-populyarnoe izdanie. – М.: «AST MOSKVA», 2007. – С. 207 – 209.
5. Lermontov M.YU. Sobranie sochinenij. V 4-h t. – М.-Л.: Akademiya nauk SSSR, 1958.
6. Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenij: V 17-ti t.T.5. Redaktory 5 toma: S.M. Bondi, N.V. Izmajlov, B.M. EHjhenbaum, D.P. Yakubovich. Obschij redaktor 5 toma S.M. Bondi / Hudozhnik S. Bogachev. – М.: Napechatano po rasporyazheniyu Akademii Nauk SSSR v izd. «Voskresen'e», 1994.
7. Сепир ЕН. Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu i kul'turologii. – М.: Progress, 1993. – 656 s.
8. Tolstoj L.N. Sobranie sochinenij: V 22-h t. – М.: Hudozhestvennoe literatura, 1978.
9. Trubeckoj N.S. Puti Evrazii: Russkaya intelligenciya i sud'by Rossii // Istoriya. Kul'tura. Yazyk. Sost., vstup. st., komment. I.A. Isaeva. – М.: Russkaya kniga, 1992. – С. 330 – 345.
10. Trubeckoj N.S. O turanskom ehlemente v russkoj kul'ture // Rossiya mezhdru Evropoj i Aziej: Evrazijskij soblazn. Antologiya. – М.: Nauka, 1993. – С. 59 – 76.
11. Chaadaev P.YA. Filosoficheskie pis'ma // Klassika geopolitiki. XIX vek. – М.: АСТ, 2003. – С. 7 – 52.
12. Shyuc A. Izbrannoe: Mir, svetyashchijsya smyslom. – М.: Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya, 2004. – 1056 s.